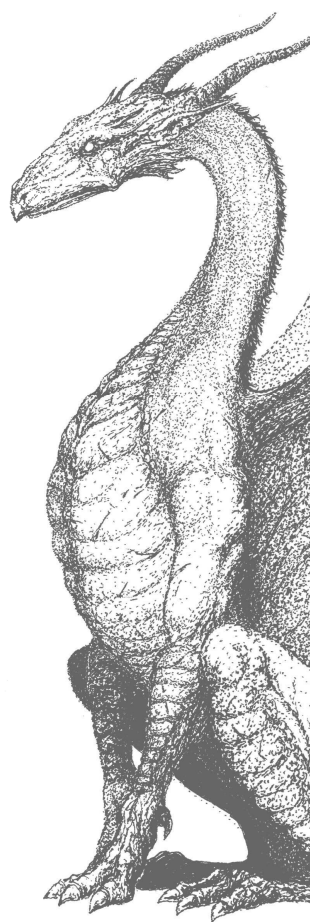

*Посвящается моим отцу и брату,
настоящим мечтателям*

1

НОВЫЙ ПИТОС

ГРИФФ

Джулия пропала, оставив меня в ужасном состоянии. Холод и сырость только усугубили мое мрачное настроение, хотя на Новом Питосе всегда было холодно и сыро. Я потрошил рыбу в подсобке, примыкающей к логову драконов, когда появился Скалли.

— Повелитель драконов желает тебя видеть, — сообщил смотритель логова.

И это был отличный способ сделать мой день еще хуже. Брэн и Фионна, два других оруженосца, вместе со мной выполнявших сегодня задачу по потрошению рыбы, обменялись взглядами. Наши руки были по локоть в ошметках рыбьих костей и чешуи, и вонь рыбьего жира будет шлейфом струиться за нами до самого логова, а теперь я еще упусти единственную привилегию, что дает приготовление пищи для драконов, — не смогу утащить остатки домой. Я выпрямился, вытирая руки о замызганную тряпку.

Скалли ненавидел мой безупречный драконий язык, и именно поэтому я старался использовать его как можно чаще.

— Кто из повелителей... — я сделал достаточно длинную паузу, чтобы он помучился в догадках, добавлю ли я что-нибудь еще, — сэръ?

Скалли нахмурился. Вот почему он постоянно заставлял меня потрошить рыбу. Грубиян. Не говоря уже о том, что наши кланы люто ненавидели друг друга.

— Тот, кому ты служишь, — ответил он на нореше.

В другие дни это стало бы хорошей новостью. Но сегодня я мог только переживать за Джулию.

На балюстраде меня ожидал Дело Небесная Рыба.

Помню, как в детстве меня поразили каллиполийские ссыльные, прибывшие на Новый Питос: своей призрачной бледностью выживших из семейства Грозного Бича и теплым загаром с густыми кудрями повелителей из рода Небесных Рыб. Дело Небесная Рыба больше не походил на лохматого оборванца, приставшего к берегу десять лет назад, но он по-прежнему был ослепителен, а при виде его меховой накидки и аккуратно зачесанных волос я еще острее осознавал, как отвратительно выгляжу.

Я низко поклонился:

— Неожиданная честь для меня встретиться с вами, мой повелитель.

Дело пробормотал в ответ:

— Как обычно.

Я выпрямился, встретившись с мрачным взглядом Дело, который словно понимал, что я пытаюсь вывести его из себя. Он был моим ровесником, немного выше, но намного изящнее.

— Триархи-в-Изгнании желают говорить с тобой.

Я обхватил себя руками, пытаюсь унять дрожь от прохладных морских брызг, которыми обдавал меня

дующий с моря ветер. Мы казались гномами по сравнению со скалами и Крепостью, возвышающимися над нами, и известняковыми карстовыми столпами, выступающими из моря и устремляющимися в небо.

— Они сказали вам зачем?

Я использовал официальное обращение, но Дело всегда обращался ко мне на «ты». Когда мы были моложе и я только начинал осваивать драконий язык, он пытался заставить меня и употреблять неформальную форму местоимения, и обращаться к нему на «ты», или, в конце концов, разговаривать с ним на норише, который он в то время изучал, но я отказывался. В испытаниях силы воли я всегда побеждал Дело.

— Они хотят расспросить тебя о Джулии, — ответил он. — Она пропала.

Как будто я не заметил.

— Откуда мне знать, где Джулия?

Дело колебался:

— Иксион рассказал им.

Судя по тому, каким тоном он сказал это, я понял, что не должен интересоваться, что именно сказал Иксион.

Последний раз, когда я видел Джулию, наши губы сливались воедино. В темноте я чувствовал лишь ее улыбку, пока она дергала мою рубашку, чтобы задрать ее выше. Она всегда улыбалась, словно мы играли в какую-то только ей известную игру, а ее забавляла возможность победить.

«Иксион рассказал им».

Я остановился, и Дело тоже замедлил шаг, оглянувшись на меня. По его лицу я прочитал все, что вот-вот произойдет со мной в стеклянном зале. Он не говорит, что ему жаль, а я не говорю: «Иксион не имел права». К этому моменту мне уже не привыкать к унижениям, которым меня подвергал Иксион.

Как, например, направляться в стеклянный зал в качестве любовника-простолюдина Джулии, смердящего рыбой.

И Дело, словно прочитав мои мысли, начал копать в своем ранце.

— Я принес чистую рубашку.

Практически вся одежда Дело — голубого цвета, цвета его рода, но эта рубашка была простой, белой, как раз подходящей для простолюдина. Но даже она была лучше, чем все, что у меня когда-либо имелось, и которую я, скорее всего, безбожно испачкаю. Я натянул ее через голову и заметил, что Дело наблюдает за мной. Но, увидев мой взгляд, тут же потупил глаза в землю. Аромат, оставшийся на его рубашке, ударил мне в нос.

Я поднимался следом за Дело по наружной винтовой лестнице, высеченной в неприступной скале и выходящей на Северное море, — она соединяла логово драконов, где я работаю, с Крепостью на вершине горы. Оба строения были построены еще во времена первого нашествия аврелианцев, когда они вторглись в Норчию со своими драконами, поработили мой народ и переименовали наш остров в Новый Питос. Чистокровные драконы вскоре после этого зачахли от холода, но повелители прижились.

И сейчас, впервые за несколько поколений, у них снова появились драконы. Двадцать пять, если быть точным, драконов, вылупившихся из яиц, что были привезены с собой изгнанниками из Каллиполиса десять лет назад.

Драконы для мести.

Драконы для выживших сыновей изгнанников. Драконы для сыновей повелителей, на чье радушие они полагались. Титулы для их детей в великом Каллиполисе будущего.

Но сыновей катастрофически не хватало. Изгнанные Триархи были вынуждены предоставить выкупившихся детенышей драконов остальным людям. Драконорожденным женщинам вроде Джулии. Полукровкам, просочившимся с островов-вассалов Каллиполиса, когда-то презираемым за незаконнорожденность, а теперь таким необходимым.

Драконы по-прежнему оставались невостребованными.

И потому, пока флот был не до конца укомплектован, драконорожденные прибегли к шагу, в эффективность которого мало кто верил.

Они подарили оставшихся драконов сыновьям и дочерям своих норчийских крепостных.

И драконы сделали Выбор.

Нас называют наездниками смирения.

* * *

Мы с Дело вошли в стеклянный зал, и за то краткое мгновение, которое требуется, чтобы сделать вдох, я осмотрел помещение. Огромное пространство из сплошных окон рифленого стекла открывало вид на карстовые столбы, взметающиеся из Северного моря, а объединенные президиумы драконорожденных полуаврелианских правителей и изгнанников из Каллиполиса окружали нас кольцом жестких стульев. В центре восседал Радамантус, полуаврелианец, Великий Правитель Нового Питоса, который после Революции присвоил себе ранее освободившийся титул Аврелианского Триарха. Среди выживших не оказалось других аврелианцев из Каллиполиса, чтобы оспорить данное решение.

В двух креслах по краям сидели самые высокопоставленные наездники Трех Семейств. Иксион Грозовой Бич и Роуд, полуаврелианец, а последнее пустовавшее кресло предназначалось для него — Дело. Три

предполагаемых Триарха. Когда Каллиполис восстановится и объединится с Новым Питосом, они будут править втроем.

Я преклонил колени, упираясь ладонями в пол и опустив взгляд на каменные плиты.

Дело заговорил:

— Представляю стеклянному залу моего оруженосца Гриффа Гаресона из клана Наг, наездника смирения из новопитианского флота.

Он по-прежнему стоял рядом со мной, вместо того чтобы занять свое место рядом с Иксионом.

— Добро пожаловать, Грифф. — Мне даже не требовалось видеть говорившего, чтобы представить его: Радамантус напоминал огромного медведя, в чьей красновато-каштановой шевелюре пробивалась седина, а золотистую кожу испещряли морщины. — Иксион сообщил, что у тебя может быть... секретная информация о Джулии.

Радамантус славился в кланах особой жестокостью, но я обнаружил, что по сравнению с причудами изгнанников из Каллиполиса и их драконов его правление было справедливым, пусть и казалось жестким. Я не сводил глаз с каменных плит между моими ладонями.

— Боюсь, господин Иксион ошибся, Ваша Светлость. Леди Джулия никогда не относилась ко мне как к доверенному лицу.

Иксион фыркнул. Сын Радамантуса, Роуд, во всем подражающий Иксиону, тоже усмехнулся.

До моих ушей донесся голос леди Электры, в котором звучало неприкрытое презрение. Она — двоюродная бабушка Иксиона и Джулии, вдова Грозового Бича, который погиб еще до Революции, и решение о наборе норчийских наездников никогда ее не устраивало.

— Меня всегдастораживает, когда они слишком хорошо говорят на драконьем языке.

Дело оставался, слегка покачиваясь, стоять рядом со мной. Я поднял руки, требуя разрешения говорить:

— Леди желает, чтобы я говорил на норрише?

— Нет уж, благодарю. Это пустая трата времени, Радамантус.

— Я не верю ему, — сквозь разговоры старших долетел до меня голос Иксиона. Холодный и уставший, словно слова наскучили ему в тот же момент, как он их произнес. За долгие годы тренировок с ним я привык к тому, что от одного лишь звучания меня прошибал холодный пот.

Голос Иксиона ассоциировался у меня с различными неприятными эмоциями: болью, страхом, унижением.

— Пораскинь мозгами, Грифф, возможно, ты все-таки что-то слышал, когда она путалась с тобой...

— Иксион, — резко одернул его Радамантус.

Роуд, уловив, к чему клонит Иксион, решил тоже вступить в игру.

— А как Агга? — спросил он. — Возможно, она может тебе вспомнить? Мы можем притащить ее сюда. Вместе с выводком.

Я заметил, как мои пальцы сжимаются на каменном полу. Ждал, что кто-нибудь добавит: «Это не обязательно», но все продолжали молчать.

Обычно в наездники брали норчианцев, у которых имелись семьи. Иксион с Роудом давно уяснили зачем. И быстро прознали имя моей сестры.

До меня донесся тихий, напряженный голос Дело:

— Грифф, ты подумай. Хоть что-нибудь сказанное Джулией, что показалось тебе... странным?

Странным. Джулия всегда отличалась непредсказуемостью, и слово «странный» даже применять по отношению к ней было бессмысленно. Но затем кое-что пришло мне на ум.

— Недавно она писала письмо.

— И?

Полуодетая, Джулия сжалась за письменным столом, а ее длинные волосы, распущенные на ночь, рассыпались по плечам. В тот момент я заметил, как ее ночная рубашка соскользнула с плеча, обнажив соблазнительный изгиб испещренной шрамами от ожогов кожи. Услышав мои шаги, она подпрыгнула и обернулась, прикрыв одной рукой письмо. Но когда заметила меня, успокоилась: «*О. Это ты. Иди ко мне...*»

— Она не хотела, чтобы кто-то видел его.

Радамантус наклонился вперед, и кресло заскрипело под его весом.

— Но ты его видел? Видел, кому оно адресовано? И что в нем написано?

Я действительно видел его. Мог рассмотреть, лежа на ее кровати. Она оставила его незапечатанным на письменном столе, когда увлекла меня в свою постель. Развернутое, выставленное на обозрение передо мной, письмо, которое она не хотела, чтобы кто-нибудь увидел.

— Я не...

Я вцепился пальцами в каменный пол, объяснение вертелось у меня на языке, хотя для этого не было никаких оснований. Я выжидал, что кто-нибудь еще вспомнит про это, но, как ни странно, никто ничего не помнил. Как будто я слишком хорошо говорил на драконьем языке, чтобы они помнили и ассоциировали со мной законы, которые их люди навязывали моему народу силой. Дело, стоявший рядом со мной, поежился, словно понял, какие мысли крутятся в моей голове. Но Иксион опередил его. В его голосе прозвучала смесь из раздражения и насмешки:

— Грифф не умеет читать.

Я услышал голос молчавшего до сих пор господина Нестора:

— Это бесполезно, Радамантус. Я же говорил, что мы просто потеряем время, допрашивая этого юношу...

Нестор — отец Дело и наш инструктор по строевой подготовке — весьма строг со своими наездниками в воздухе и еще строже на земле. Он был небесным вдовцом, наездником, потерявшим своего дракона. Дело говорил, что это потеря, от которой он никогда не оправится, и именно в ней кроется причина непростого характера отца.

Однако я был абсолютно уверен в том, что Нестор в любом случае выбрал бы меня в качестве мальчишки для битвы.

С трудом сдерживая гнев, я процедил сквозь зубы:

— Она выглядела взволнованной. После. Говорила о... семье. И преданности.

Пальцы Джулии, запутавшиеся в моих волосах, бездумно распрямляющие кудри, наши тела, сплетенные вместе под легкими как пушинка одеялами, которые и не снились моей семье. *«Ты бы всегда любил свою сестру? Даже если бы она тебя предала? Что бы ты сделал, если бы она предала тебя?»*

Странная, неожиданная влага, появившаяся на моем плече, показалась настолько противоестественной, что поначалу я даже не понял, что происходит. Не понял, что Джулия плакала.

Радамантус барабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— Думаешь, она писала Лео, кузену, который служит наездником узурпатора? Мы запретили ей общаться с ним после его последнего отказа.

Дело снова вступил в разговор, и его тихие слова прозвучали так, словно он только начинает осознавать, что происходит:

— Джулия хоть раз слушалась, когда ей что-то запрещали?